

Давид Паташинский

читай меня по губам

Давид Паташинский
Читай меня по губам

НП «Центр современной литературы»

Паташинский Д.

Читай меня по губам / Д. Паташинский — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-132-4

«Читай меня по губам» — пятая книга Давида Паташинского, в которой собрана поздняя лирика автора, более известного своими языковыми экспериментами. Радости эта книга не принесет, скорее опечалит, хотя печаль вскоре пройдет — книга предполагает несколько рецептов избавления от нее.

ISBN 978-5-91627-132-4

© Паташинский Д.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

I	5
«Нынче здесь, завтра там, а потом в никуда, в никуда...»	5
Болезнь	6
«Она ушла, эпоха. Впопыхах...»	7
«Я живу за стеной, только шепот иной...»	8
«Цитрусовые восходы. Яблочные закаты...»	9
«Последнее время стало холодно жить...»	10
«Муа устала, она говорит, муа устала...»	11
«Я пел Вергинского, мне было хорошо...»	12
«Светлое небо ночью говорит о недавнем дожде...»	13
«Поэт в России больше не поэт...»	14
«Морская вода утешает, речная лечит...»	15
Виноград	16
«Остановите музыку, я выйду...»	17
«Я отмою от цветов твое страшное лицо...»	18
«Волк в овчарне, следы случайного божества...»	19
«Пошто и вам с берданом на боку...»	20
«Живые татушки гуляли по траве...»	21
«А окно заиндевело...»	22
«Суматоха на дворе. Пьет вино Пуанкаре...»	23
«Несчастливая страна убогих и лукавых...»	24
Аэроплен	25
Времена года	26
«Когда мне душно, когда воздух исчезает...»	27
«Яблоку некуда падать...»	28
«И хворь твоя обречена на вырост...»	29
«Черника, губы, молоко...»	30
Ложная память	31
«Где олово, чтобы залить нам в глотку...»	32
Прощание	33
«Вели меня поднять над мостовой...»	34
«На манжете записал четверть слова, две улыбки...»	35
Улететь	36
«Я не хочу оказаться честным...»	37
Артемида	38
«Корабль уплывает по реке...»	39
«Постелите мне теплую землю под голову...»	40
«Серое ты мое, нерусское поле...»	41
II	42
«Мрамор, мрамор, гладкие ступени...»	42
«Ты не совсем виновата, а я совсем виноват...»	43
«За окном ветер того и гляди изойдет пургою...»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Давид Паташинский

Читай меня по губам Стихотворения

I

«Нынче здесь, завтра там, а потом в никуда, в никуда...»

Нынче здесь, завтра там, а потом в никуда, в никуда
пропадают друзья, пропадают враги, пропадают,
только черные птицы садятся на провода
и, как капли вечерние, медленно тают.

Только белые тени идут сквозь замерзшую речь,
полосатые робы скатав за усталой спиной,
посмотри, как привычно висит золотой щит и меч
над страной безнадежно больною.

Вчк, кпб, поиграй мне побудку на ржавой трубе,
проиграй мне победку, помадку, пустую похлебку,
нынче здесь, а потом ты не мне, да и я не тебе,
да из Африки твердую пробку.

Только ночь на дворе, на глазах, на замерзших устах,
только польку, а то молдаванку, родную до боли,
замирают намеренно метрах немеряно в стах
жернова на веселом помоле.

Подари мне циновку и бледную ткань января
опусти мне на плечи, размокшие розовой манной,
покури на заре, поднимая навзрыд якоря
над водой безымянной.

Болезнь

Листья горькие, кофейные паузы,
близорукая лунная неурядица.
Но я поправлюсь, мне кажется.
Мне бегать нравится.

Голос холщовый не отдается в комнате.
Взгляд этиловый не отражает облако.
Помнишь, когда мы ходили по воду.
Мы никогда не ходили по воду.

Холод лучше, если ухватишь за руку
Холодное, багряное, осеннее зарево.
Помнишь, когда мы гуляли за полночь.
Мы никогда не гуляли за полночь.

Оглуши, заруби молоденького меня,
красивого такого смородинного.
Только в огонь не толкай, в котел не прилаживай.
Возьми другой каравай. Его замлаживай.

Плеск воды означает стакану полно.
Затылок знает, что ты его не тронешь.
Страсть как хорошо, только холодно.
Так холодно, что наступил Воронеж.

«Она ушла, эпоха. Впопыхах...»

Она ушла, эпоха. Впопыхах
мы пишем заводные некрологи,
а воздух остановлен, под углом
событий, растворенных в никуда.

А мы все ждем, и водка хороша,
но нам не выпить нашего рожденья,
и пустоты своей не пережить,
и суеты своей не обеспечить.

Мы будем спать. Мы будем пропадать
по одному, по семьям, по народам.
Налей еще. Как горько, как напрасно,
когда-то, помнишь, пело нам с листа:

мы с тобой на кухне посидим
сладко пахнет белый керосин

«Я живу за стеной, только шепот иной...»

Я живу за стеной, только шепот иной
раздается тугими ночами.
Там ребенок больной, там всегда выходной,
там звенят, но совсем не ключами.

Там играют смешную простую игру,
слышишь – падает мелочь густая?
Если вдруг я сегодня под утро умру,
я, наверное, просто растаю.

Так-то, друг – если вдруг. Все бывает тогда.
Даже водка бывает колючей.
Даже, будешь смеяться, сухая вода,
что в коробке на всякий случай.

Я читаю свое, ты читаешь свое,
остальное осталось за кадром.
Ты бы знал, кто сегодня меня узнает,
кто поет в этом мире цикадном.

Я живу у стены. Все углы неравны.
Все собаки скулят об одном.
И не знают цены старики пацаны,
выключая рассвет перед сном.

«Цитрусовые восходы. Яблочные закаты...»

Цитрусовые восходы. Яблочные закаты.
Мир мой стал одинаков.
Коды вечерних улиц. Капли дождей печальных.
Мы уже не вернулись.

Маковые рулеты. Вкус утренней сигареты.
Если тепло, то лето.
Каменные скамейки. Глиняные дороги.
Пруд. Бегут водомерки.

Вдаль перестуком пальцев
льется вчерашний поезд.
В городе постояльцев
солнце давно погасло.

Я бы и сам остался
там, где еще тепло есть,
да пожелтевших прошлых
перегорело масло.

«Последнее время стало холодно жить...»

Последнее время стало холодно жить,
последние песни поет молодой рассвет.
А ты держи меня, спать уложи.
Не говори, что состоим в родстве.

Это родство душ убивает хуже любви.
Жена, муж. Вареные соловьи
пустых сердец уже не дают дрозда.
Такая судьба. Оказалась тоже пуста.

Если горит, это горит звезда.
Как правило, на самом конце креста.
Последнее время ляжет на горло сну.
Если воем, значит зовем весну.

Если холодно, значит ложимся спать.
Знаешь, куда во сне придем умирать,
в какую страну, где нас забыли все,
в густой траве, на речной золотой косе.

«Муа устала, она говорит, муа устала...»

Муа устала, она говорит, муа устала.
Садится на пол, как маленькая.
Приношу апельсиновый сок.
Такие жаркие дни.

Вчера, когда солнце, совсем оранжевое,
над деревьями горизонта.
Огромное, оранжевое,
быстро опускалось.

Мир становится тише,
если мы становимся старше.
Мы хуже слышим,
он меньше нас замечает.

«Я пел Вертинского, мне было хорошо...»

Я пел Вертинского, мне было хорошо.
Мне было неожиданно понятно,
что находили в нем другие.

Я пел его матросов. Стало тихо
в моей обеспокоенной душе.
Так тихо, что услышал за стеной
себя, поющего, плетущего слова.

Что остается нам, когда уходим
в чернильную упругую мишень,
а за окном клубятся голоса
оставленных, но верных, но любимых.

Я пел Вертинского. Беззвучно. Наизусть.
Весна сегодня, теплая трава.
Но яблоневый цвет уже летит.

«Светлое небо ночью говорит о недавнем дожде...»

Светлое небо ночью говорит о недавнем дожде.
А я любил тебя очень. Не вежде положено жить в нужде.
Дождь закончился, ночь запустила луну в черные луговья.
А я любил тебя очень, хотя не годился тебе в мужья.

Светлое небо легче, чем осень, правильнее, чем весь,
чем весь наш прочий обман, вся наша манная глубина.
Мы все давно уже терпкая плесень, хотя мы все еще здесь.
Любимы, забыты, выжили из ума.

Ночью дороги черная полоса. Ночью положено звать, глядя в ее тепло.
Только водки ледяной костыль забиваешь глубже в горб свой берестяной.
Что же ты, мать? Я ведь и так хрупок уже, что твое стекло.
Если опять засну, ты присмотри за мной.

«Поэт в России больше не поэт...»

Поэт в России больше не поэт,
подай, страна, подай ему на милость,
пройдет еще совсем немного лет,
чтоб различить, которого лишились
мы смысла жизни. Говоря о детях,
теперь умеем больше не жалеть их.

Поэт в России больше никогда.
Летит в зенит расстрелянная птица.
Не ждут дожди, и мокрая вода
умоет опрокинутые лица,
склонившиеся над арбузом слов,
плевать их под себя, и будь здоров.

Поэт в России больше, чем звезда,
но меньше солнца, потому сверкает
и падает, и падает с моста
судьба его, нелепая такая,
смола последняя обугленной коры
нам освещает путь в тартарары.

Когда и не мечтали мы о чем
сейчас читаем новую газету,
звенела музыка, он падал, обречен,
и мы следили пар его тепла.
Не сетуй на пустые зеркала,
ты в них не отражаешься, раздетый,
и не открыть ни сердцем, ни ключом
ту комнату, что выжжена дотла.

Поэт в России. Здравствуй, дорогой.
Не узнаешь? Да я и сам не знаю,
пройду, как дождь, неслышной водой,
лови меня, страна моя лесная.
Скажи мне да, вся исходя на нет.
Поэт в России больше не поэт.

«Морская вода утешает, речная лечит...»

Морская вода утешает, речная лечит,
степная вода на ладонях лежит больная,
а утром все птицы уходят на небо, значит
на небо уходят птицы, и ветер тоже.

И если ты плачешь: Боже, прости смешного,
и если ты босиком по росе, по веткам,
по синему пастбищу, где молодые бродят,
по черной траве, где оранжевые фиалки.

И если ты плачешь жалко, и больно как-то,
и падают капли на светлое время суток,
и падают капли вверх, на небо, где птицы снова
летят и гуляют, и нет им опять покоя.
И это, наверное, жизнь у меня такая,
ходить между вами, слова разбирать на штучки,
слова собирать на пачку, давай закурим,
ходить между вами, послушай, давай закурим.

И воздух, смотри, он опять не бумага – калька,
и все, что дышали, теперь черно-белый оттиск,
и все, что бежало в оттепель, в горы, в горы,
теперь не вернется, а мы его так просили.
И все остается в силе, и мир пропавший,
и лилий головы мертвые на проспекте,
а в слабости только мальчик, слова пропевший,
а в слабости старая книжка на две тетрадки,

и ты не согласишься, редко, но где-то были,
белели парусом, морем синели строго,
шинели стояли колом, когда они пропадали,
и царь, и женщина, и дым стоял над оврагом.

Виноград

Виноград идет по городу, заглядывает в окна,
время спать, но время дорого, время так бесповоротно.
Виноград кислее ревеня, бьют часы на старой ратуше.
Время жить, да мало времени, что ни вечер, так пора уже.

Разрешили бога ради нам, успокоили, не трогали.
Улыбнись мне, виноградина, бестолкового предлога ли
замечая, запоздалая, сверкающая, самая,
обними меня, усталого, упругая лоза моя.

Виноград идет по городу, заплетя дорогу винную,
время выпорото, вспорото, выгибая шеи львиные,
гривы тянет до луны свои, мы и сами дали корни бы,
да не хочет думать мыслями тьма немая, законная.

Постараемся зажмуриться, как дойдем до поворота мы.
Виноград минует улицы, фонари стоят сиротами.
Что забыть, когда не вспомнить нам, по ночам не чуя холода.
Воздух морщится оскоминой. Виноград идет по городу.

«Остановите музыку, я выйду...»

Остановите музыку, я выйду,
не мне считать вороновую чернь,
в стране потерь строке послушно лыко,
а головам до шапки дорасти
не позволяет каменное небо,
я вдаль смотрел, и не было меня,
и пули милые летели мимо,
и девочка смеялась у ворот.

Остановите музыку, я пьяный,
мне воздухом налили рукава,
смешно упрямым пальцам вниз ронять
на клавиши, на кривиши стальные,
в стране потерь ведру не нужен дождь,
дома растут, как мальчики, внезапно,
остановите музыку, я выйду,
остановите музыку совсем.

«Я отмою от цветов твое страшное лицо...»

я отмою от цветов твое страшное лицо
поцелую черный лоб обниму тебя навзрыд
где глаза твои сейчас где чудесный вкусный рот
почему не говоришь нам так нужно говорить

ты не помнишь как любил гладить волосы твои
пел тебе читал тебе приносил тебе попить
не осталось ничего кроме неба и любви
как теперь прикажешь жить как теперь прикажешь жить

«Волк в овчарне, следы случайного божества...»

Волк в овчарне, следы случайного божества.
Белые, глядящие вверх цветы.
Гудящий чайник. Утром ничего не говорит Москва.
Москва в руках торжествующей гопоты.
Москва принадлежит предателям, дуракам,
сволочи, у которой все пальцы давно во рту,
поэтому не за вас поднимаю свой тяжелый стакан,
синеющий на свету.

Рука печальная все не решается помахать,
и на причале только и смех, что блиц
различает, чтобы фотографию угадать,
такая, наверное, особенность у столиц —
кроить по образу, когда образ нынче один
борца со свободой за собственные права.
Как получилось, настойчивый господин,
что у тебя на дворе не растет трава?

Утром лица белы, да голоса красны.
Рельсы остры, масло еще в цветке.
Время вставать, десять часов весны.
Время гулять погоду рука в руке.
Время кружить по городу вальс-бостон,
воздух пить, набираясь случайных сил.
Слушать, как нежно за голубым мостом
песню поет буксир.

«Пошто и вам с берданом на боку...»

пошто и вам с берданом на боку
поющим пиво пьющим краковянку
скачи мой конь ужасную скаку

а на рассвете вышли обезьянки
оставив избы пить сырой туман
топор забыв схватился за баян ты

а жить-то где любезная шарман?
как обессудить вышние загулы
забавы пороха протертый доломан

висит в углу унылый как акула
что мы ловили в прошлую сирень
такого воздуха что падаешь со стула

пошто и вам глазами набекрень
рассвет встречая в кресле у камина
закрыть бы их да батюшка мой лень

мне даже водки выкушать вломину
тогда иди сюда моя фемина
и шелк волос и взрыв твоих колен

«Живые татушки гуляли по траве...»

живые татушки гуляли по траве
ты прошептала мокрое приве
луна открыла полное окно
пришло давно

а на запястье отмечает час
железный жук и он один из нас
его глаза как камушки блестят
усы свистят

а я все пью работаю и пью
я i love you ни капли не пролью
мой покер сдан но утонул в репье
дурак крупье

«А окно заиндевело...»

А окно заиндевело.
Холодно, налей мне чаю.
Я скучаю без ватрушки.
Снег такой прозрачно-белый.
Принеси мне одеяло,
я замерз.

Помнишь, под окном стояли
пять берез.
Тонкие такие, нежные.
Бело-черные стволы.
Листья все давно осыпались,
такая, брат, зима.

«Суматоха на дворе. Пьет вино Пуанкаре...»

Суматоха на дворе. Пьет вино Пуанкаре.
Синий свет издалика льет ленивая река.
Колокольня чуть дрожит. Хочется еще пожить.

Мне в Венецию пора. Там густые колера.
Упаду с ее моста, где вода как береста.
Где студеный упокой. Где я стану никакой.

«Несчастливая страна убогих и лукавых...»

Несчастливая страна убогих и лукавых.
Соборные стихи прочитаны с листа.
Возьми еще вина. Душа его на травах.
Слова его сухи. Судьба его чиста.

Какое солнце нам осветит день кромешный?
Какие звезды нам закатятся в рукав?
Возьми еще вина. Добавь живой черешни.
Другого и не знал, себя не отыскав.

Пойми свою печаль, себя не изувечив.
Собрался – уходи. Тебя уже здесь нет.
Не любишь – обещай. Возьми вина на вечер.
Оставь. Не бери. Живешь в другой стране.

Аэроплен

На аэродроме шум, Туполев пьет, Лавочкина позвали,
чтобы поправил его расшатанную антресоль,
а я болею, едва дышу, в раскаленном моем подвале
хрустит под ногами соль.

Она растет пластинами, как положено,
лиловой сливой, солнце жмуря в каменном кулаке,
а в небе летает восторженное мороженое,
выпадая ягодами в пике.

Туполев, носом суров, обликом алюминиев,
что мешает пиву заглянуть в скромный стакан,
несколько строк, и на конструкторе выступят кольца инея,
вива чудовищным старикам.

Лавочкин сидит на себе, как на дереве,
седой хвост его рассыпался на ветру, как тальк.
Из толпы механиков доносится песня стерео,
что к утру превратится в пустой гештальт.

Ферма моих звуков, запах знакомой коровы,
чарка пламенного молока в постель.
Скажи, базука, будет нам полвторого,
или опять позовем гостей?

Обними меня, Лавочкин, за недетские плечи,
небесная хворость моя еще молода,
путь новый так безнадежно млечен,
холоден, как вода.

Лети меня, Туполев, туда, обратно,
я остаюсь навсегда в дорогой глуши
голубого снега, умноженного стократно
на малиновый звон души.

Времена года

Хочешь, подарю тебе палые листья,
дождь отдам наперегонки с июлем,
дерево, которое так смолится,
страну, которую мы еще завоюем.

Хочешь, отдам тебе небо в алмазах,
в кофейную осень убегу лосем,
а если меня горячим медом намазать,
стану опять милым и безголосым.

И страну, которую мы понимаем,
давно запретили, не вставая с постели,
хочешь, я стану сам себе маем
расцвету там, где листья все облетели.

Подарю тебе рябины спелые гроздья,
золотых лисичек в корзину тебе кину,
а утром к нам пожалует одна гостья,
и я запою, как положено арлекину.

Стены ответят молчанием беспокойным,
дождь вынет молнию из почерневших ножен
и зарежет страну, которой уже не помним,
пощадив людей, которых забыть не можем.

«Когда мне душно, когда воздух исчезает...»

Когда мне душно, когда воздух исчезает.
Когда скучно тлеют последние фонари,
я ищу опухшими, слезящимися глазами
русские словари.

Они бывают совершенно разными,
английскими, идишами и фарси.
Иногда даже заразными,
как из тухлого озера караси.

Они бывают необыкновенно вкусными,
податливыми на откус.
А бывают обиженными и грустными,
темными, как тунгус.

Я листаю их бережно,
выписываю номера страниц,
понимая, что их не заменишь на
ярость сверкающую вечерних зарниц.

Я не читаю ни одного словаря, я
только с ними вполголоса говорю.
Сами знаете, что некоторые доверяют
русскому словарю.

«Яблоку некуда падать...»

Яблоку некуда падать,
яблоко стоя заснуло,
в яблоке том червячок
в белой пушистой пижамке,

в яблоке домик прекрасный,
солнышко алое светит,
некуда, некуда падать,
стоя заснуло, устало.

«И хворь твоя обречена на вырост...»

И хворь твоя обречена на вырост,
и на глазах упругая иваность,
Россия плачет Волгой и Окой,
ты кто такой?

Зачем пришел, весь в шелковых лосинах,
ты знаешь, почему послали все нах,
а мы пошли, не ведая стыда,
горит слюда

под солнцем неумеренно пригожим
остановись злопамятным прохожим,
которых лет и волку не скажи,
плывут моржи,

но в животах ни деток, ни икорки,
а на востоке в бешеном восторге
один мужик другому угодил,
наладил дил,

и стало все – как в банке, как в Париже,
на улицы отправились алеши,
веселые, веселые они,
горят огни

но нас с тобой совсем не освещают,
горят всюду и родины не чувствуют,
и новую не вырастить траву,
живем в хлеву,

и хворь твоя, что песней напевала,
летела в дверь и оставалась белой,
Россия плачет бедными детьми,
а это мы.

«Черника, губы, молоко...»

Черника, губы, молоко,
дышать легко бесплатный воздух,
прости, что время далеко
ушло, теряя эти звезды.

Не страшно думать, что устал,
страшнее доверять картинам.
Мы так привыкли лгать крестам,
что вырастали на пути нам.

Страшнее знать, что никогда
тобой не обернется птица
и не позволит всласть напиться
неумолимая вода.

Ложная память

Оставь меня, мне плохо, мне душно, мне дурно.
Воздух рычит, как собака, ночь молчит, как собака.
Луна пожелтела и упала в пустую урну.
Дождь прошел и заплакал.

Иду посередине дороги, голова седа, как молодая сталь.
Созвездие Браги. Мокрая дорожная полоса.
Зачем просить? Я бы сам, скорее всего, перестал.
Дай еще полчаса.

Говорят о ком бы то ни было, но говорят.
Молчат всегда об одном.
У фонарей развелось детей-фонарят.
Горят маленькие под окном.

Никогда не узнать, когда время пришло,
когда промолчу о ком бы то.
Бэтах ше ло¹.
Одиночество – это такая комната.

Глина ли, супесь ли, чернозем.
Все одно много в карманах не увезем.
Странное было место ссср.
Тяжелое, но дорогое.
Сам помнишь поди, как прокуренный офицер
вечером пришел за тобою.
Сам знаешь, у кого болело запертое внутри.
У фонарят были родители-фонари.

---

¹ точно нет

«Где олово, чтобы залить нам в глотку...»

Где олово, чтобы залить нам в глотку,
где курево, чтобы смешить нам сердце,
а холодом нам не унять молодку,
а горечью нам не понять утрат.
Уходим мы, и каждый шаг последним нам
все кажется, но все не становится.
На Родине все из любви нашей слеplено,
мерзкой кашицей, мерзлой околицей.

Канальи мы, негде выжечь клейма нам.
Безжалостны. Сноровисты, подлы, жилисты.
У нас по карманам одни обидные шалости.
Да и сами никогда не решались просить о милости.
Утром выходим из своего отрочества,
но свет удержать не можем до ночи свой,
и не видать нам иного отечества,
чем безнадежное одиночество.

Прощание

На заре серая птица поднимается выше солнца,
дождь хочет пролиться, но ему не хватает сердца.
Ты стоишь на пороге, окруженная дымом ситца,
но ты не любишь его соседства.

Ты сама по себе, ты прялка и ты же пряжа,
ты песня, ты горло, ты белая, как бумага.
сегодня никто больше тебе ничего не скажет,
сон твой алый будет сильнее и слаще мака.

Заката злато, кислот оранжевая облепиха,
ложатся спать меховые, а голые прячут лица.
Ты прости, что я ухожу так тихо.
Все как впервые, будет зачем проститься.

Ты пойдешь прясть свою дорогую пряжу.
Я пойду плесть свою песню, былину, сагу.
Потом ты без меня ляжешь.
Потом я не с тобой лягу.

«Вели меня поднять над мостовой...»

Вели меня поднять над мостовой,
я танцевать, как мальчик, обещаю,
останусь сам неведомо с тобой,
заварим чаю.

Мне мало рта дышать твою тюрьму,
где воздуха медлительная вакса.
Вели поднять меня, я сам пойму,
как расставаться.

Синеет тьма над городом моим,
спокоен вечер, небо звездно,
ушел домой усталый элоим,
настало поздно.

«На манжете записал четверть слова, две улыбки...»

На манжете записал четверть слова, две улыбки,
лестниц мертвую гармонь надувая на бегу.
Намокают паруса на ветру слюдою липкой.
Покажи свою ладонь. Я тебя не берегу.

Подожди на берегу. Берега – они такие.
Хочешь – море огради. Синевую на мели.
Голова моя в снегу. Далека Самофракия.
Волны плачут позади, удивляя корабли.

Лестниц мертвые меха понимая с полушага,
желтизну унылых стен проходя наискосок.
Потому дрожит рука над манжетой обветшалой,
что нашел на берегу только солнце и песок.

Улететь

Пушистые облака поднимут тебя наверняка,
ты ведь сам легкий такой,
в тебе не больше дюжины голубей,
в тебе не меньше дружины богатырей, улетай скорей.

Она не пришла, так ты сам улетел.
Стало пусто, солнечно, холодно, как бывает зимой,
когда снег падает на ржавую карусель,
а ты все летишь. Ты все летишь, боже мой.

Мы расплавимся, мы икары светлого далека.
Держи меня за руку. Ты понимаешь, это моя рука.
Долина внизу полна огней, это за нами пришли
искать нас днем. Всю подноготную пережгли.

Месяц назад становится вновь луной.
А мы ходили по облакам, наивные крендельки,
белые, выпадающие дождем.
Алые, улетающие мотыльки.

Став луной, мы оборачиваемся ночью.
Прочной, брезентовой, пологом надо всем.
Взмах вороной косы оставляет не более многоточья
нас на золотой росе.

Улетев навсегда, по оставленному так плачут,
оно так безнадежно печалит, боже мой, облака
тлеют мелом горящим, пока шкуру твою медлительно размечает
рука небесного скорняка.

«Я не хочу оказаться честным...»

Я не хочу оказаться честным,
я врал, когда нужно, я улыбался, когда грустно,
в прошлой жизни меня звали Франческо,
в моих ружьях было от пуль густо,
было эль мориарти от моих стрел, когда я охотил оленя,
топоры мне запихивали за пояс,
а все остальное время
я был полночный поезд.

Сегодня вечером я снова не понял, я снова стал пони,
меня возили по кругу,
а ты сидела и грела свои ладони
о сладкий пот моего крупа,
а ты сидела верхом, как мальчишка,
каблуками впиваясь в мои бока,
и в груди перекаtywалась, гречишна,
только дыхательная крупа.

Артемида

Качает пальмами рука, играет стрелами Диана,
душа горит у моряка, как настоящая заря,
изба, прибежище сверчка, протяжны руки Океана,
звезду видать издалека на лысине у звонаря.

Играй мне, колокол, сонет, и полонез читай по буквам,
мне музыки волшебный дом открыт, как облако лучам.
Жизнь совершенна, смерти нет, не выпустит она стрелу к вам,
по ней горюет Посейдон, песка прибрежного гончар.

Картавит криками народ неоспоримые рулады,
уходят вспять, поражены, владельцы меры и весов.
Граница Крита у ворот. Не запирай ума палаты.
Когда не знаешь тишины, поставь на музыку засов.

Качает пальцами тростник, смеются маленькие лани,
взрываясь шелковым огнем, как эта странная строка.
А ты меня с собой возьми, играть судьбу колоколами,
обедать хлебом и вином, ложиться спать на облака.

«Корабль уплывает по реке...»

Корабль уплывает по реке,
и солнце освещает небо снова,
тебя запомнят в синем пиджаке,
сутулого, усталого, больного,
тебя запомнят, но не назовут,
и, в книге книг страницу не заполня,
по мостовой чернилами мазут
бежит наперерез мальчишке полдня.

Настало время молодой молвы,
рука не доверяет больше глазу,
бежит паук на цыпочках любви,
но муха не дает ему ни разу,
и ты ее прощаешь все равно,
тасуя поредевшую колоду,
скрипит баркас, и рыбы домино
заходит в остывающую воду.

Настанет день, которого всегда,
проснись уже, не слушайся светила,
слова бегут, как ток, сквозь провода,
оглянись, и жизни не хватило,
за пазухой промокшая метель
несет свое прохладное не надо,
и дверь снимает медленно с петель
предутреннего воздуха громада.

«Постелите мне теплую землю под голову...»

Постелите мне теплую землю под голову,
я устал эту песню дышать,
начинается быстро, а пишется с голоду,
на углу, где костры малышат
разгораются, гаснут, и вечером угольным,
на опушке, руками щедра,
ты любила показывать внутренних кукол нам,
издавая мотивы щегла.

Говори мне еще, бескорыстная пленница,
прямо в ухо седое дыши,
если сердце усталое плакать не ленится,
на какие, простите, шиши,
чтобы полной луной, выходя за околицу,
разбирая дорогу почти,
а зачем бы ему, будет сам беспокоиться,
надевая слепые очки.

Эту песню дышать между воздуха колкого,
по углам, где железо гремит,
где печаль застывает последняя волкова,
проникая по пояс в гранит,
ты ему обещай вороватую паузу,
лоб целуй невысок,
а потом уходи, троекратно, по Штраусу,
выворачивая носок.

«Серое ты мое, нерусское поле...»

Серое ты мое, нерусское поле,
светит туман, и в окошко летят цветы,
и прорастают в твоём голубом подоле
золотые гудзоновые мосты.

Знал бы я прикуп, жил бы тогда не шибко,
сочные собирая столбы,
верстовые, они отмечают ошибки
состарившейся судьбы.

Еще вчера улыбаясь голосу менестреля,
песо бросая ему в лицо,
мокрого места от нас не оставит время,
сохранив только бронзу и колесо.

Серое мое, окружающее пространство,
кто руки тебе за спину закрутил,
как садовник все залепляет зеленой краской,
не зная других картин.

Как мы режем себя на живое и неживое,
и солнце в глаза нам и не посмотрит уже,
как борона, наевшись пустой травой,
находит кролика на меже.

II

«Мрамор, мрамор, гладкие ступени...»

Мрамор, мрамор, гладкие ступени,
никогда не знаешь, если вышел,
подойди ко мне, смешная пани,
я на крыше.

Говори со мной на маленьком наречье,
улыбайся как тебя учили.
Нам ни схожести не нужно, ни отличья,
ни печали.

Дом мой отличается от башни,
только тени света в нем да светотени.
Ты, наверное, сегодня передашь мне
день в ладони.

Ночь набросит бессловесную на плечи.
Свет луны деревья обнимает.
Только за стеной тихонько плачет
мышь больная.

«Ты не совсем виновата, а я совсем виноват...»

Ты не совсем виновата, а я совсем виноват,
тебе хорош кавабата, мне сообщает медбрат,
сожжет ладони крапива, на солнце выгорит плешь,
мы воспарим из архива, как самобранку ни ешь,
мы улетаем, как мухи, жужжа прозрачной спиной,
играет старый Менухин над пожелтевшей страной,
весна становится осень, гора рождает осла,
мы так себя не выносим, когда любовь не спасла.

Герой не выдержал веры, и промахнулся пловец,
и закричал из партера владелец быстрых колец,
я подойду, но пти па ли меня спасет из пике,
и декорации пали на радость страстной толпе.
Мы все виновны в грядущем, но настоящим полны,
последний час не отпущен, рука не тронет струны,
устало странное племя людей эпохи ура,
звонит брусок поколений над нищетой топора.

Такое время сегодня, что от беды до беды
нас отделяет холодный зрачок небесной слюды,
душа не знает изнанки, рука не терпит сумы,
забудусь сном, милый ангел, затем дарованы сны,
страшней не знаю врага я, чем утро в зеркале дня,
забудусь сном, дорогая, как ты была у меня,
мои читала слова ты, и проверяла, полна,
как ты, ни в чем виновата, своим лекалом луна.

«За окном ветер того и гляди изойдет пургою...»

за окном ветер того и гляди изойдет пургою,
месяц без водки это тебе не месяц,
я родился в москве, но время тогда другое,
а теперь они сами идут и дорогу месяц

в гастрономе лежит вобла по два двенадцать
помнишь, ты ловил ее за сухие жабры,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.